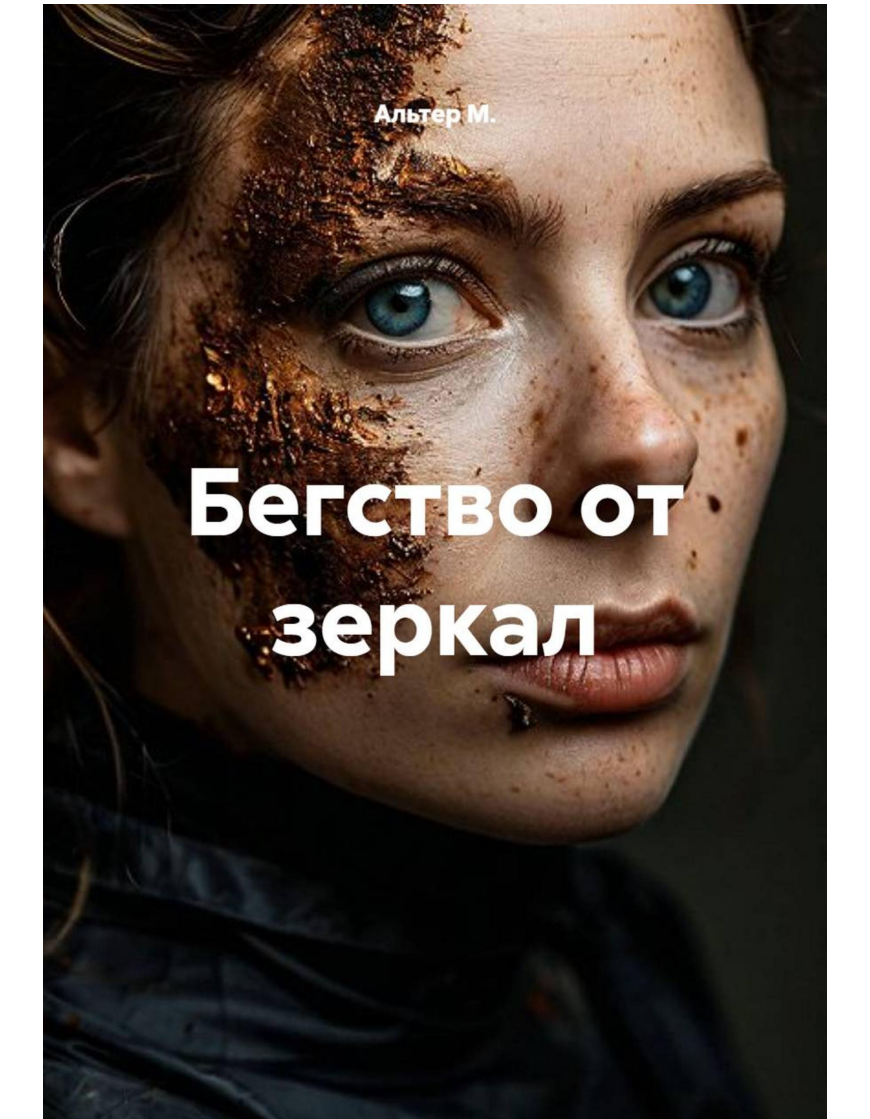

Альтер М.

Бегство от зеркал

Альтер М. Бегство от зеркал

<https://litres.ru/74177507>

SelfPub; 2026

Аннотация

Женщина-визажист с прозопагнозией, не узнающая лиц, вынуждена ориентироваться по родинкам и шрамам. Её мир переворачивает клиентка без единой особой приметы — абсолютно «среднее» лицо. Вскоре все вокруг начинают терять индивидуальные черты. Вере предстоит сразиться с безликим Мастером и его последователями, чтобы спасти людей от пустоты и обрести способность видеть истинную суть человека — не через дефекты, а через душу. Психологический триллер о природе личности, страхе потери себя и силе любви.

Содержание

Глава 1. Картотека изъянов	4
Глава 2. Пиршество пустоты	29
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Альтер М.

Бегство от зеркал

Глава 1. Картотека изъянов

Свет в гримёрной всегда был безжалостен. Он не льстил, не скрывал, не прощал. Он препарировал лицо, выставляя напоказ каждую морщинку, каждую расширенную пору, каждый сосудистый узелок под тонкой кожей. Для обычного человека это было бы испытанием, но для Веры Петровны этот беспощадный хирургический свет был единственным честным собеседником. Зеркало обрамляли шестнадцать ламп накаливания — старых, ещё гудевших на грани слышимости, — и в их ореоле она чувствовала себя в безопасности. Здесь, в этой световой камере, не было места лжи полутьмы. Здесь всё было анатомией.

Она провела пальцами по кожаной папке, лежавшей на туалетном столике. Инструменты. Нет, не просто инструменты. Это были её переводчики, её поводыри в мире размытых масок, который остальные люди по какому-то недоразумению называли лицами. Вера Петровна страдала прозопагнозией — лицевой слепотой — с самого рождения, хотя узнала об этом диагнозе только в двадцать три года, случайно наткнувшись на статью в старом медицинском журнале.

До этого она просто считала окружающих невнимательными идиотами, а себя — единственной, кто видит правду, скрытую за пеленой мимики.

Правда же заключалась в том, что лицо как целостный образ для неё не существовало. Она не могла, подняв глаза на человека, мгновенно считать гештальт и понять, кто перед ней. Муж, брат, соседка, президент страны — все они были бы для неё одинаковыми куклами-манекенами, если бы не её система. Глаза, нос, губы — всё это распадалось на отдельные, не связанные друг с другом детали, словно пазл, который кто-то забыл собрать.

Её мозг, лишённый врождённой способности к целостному восприятию, выработал компенсацию. Он стал одержим деталями.

Именно это сделало её лучшим визажистом в городе.

Вера Петровна взяла в руки спонж, провела им по тыльной стороне ладони, проверяя плотность тонального крема. Сегодня у неё была сложная работа. Труп. В киношной среде это называлось «пластический грим мертвеца», но для неё любой клиент, пришедший в кресло, был живым, пока она не заканчивала работу. Актёр, игравший роль второго плана в криминальной драме, должен был выглядеть так, словно пролежал в канаве не меньше суток.

Она не помнила его лица. За двадцать минут до его прихода она открыла свою записную книжку — не телефон, нет, в телефоне были только голые имена, пустые звуки, — а ста-

рый, потрёпанный блокнот в кожаном переплете. На странице, помеченной как «Объект № 1147 (Сергей, проект «Канава»)), было записано её фирменным бисерным почерком:

«Висок левый: родинка 2 мм, выпуклая, телесная (в быту замазывать не нужно, здесь — подчеркнуть трупной зеленкой, создаст иллюзию предсмертной гематомы при падении).

Нос: сколиоз спинки носа вправо на 4 градуса. Асимметрия ноздрей (левая уже).

Мочка уха правая: шрам оспенный, круглый, вдавленный (взять более темный тон, увести в синеву, имитировать застой крови).

Это была её картотека. Сотни, тысячи людей, разобранных на запчасти. Когда дверь открылась и в проеме показался мужчина в халате на голое тело, Вера Петровна, не поднимая взгляда выше уровня его ключиц, скользнула глазами к виску.

Родинка. Два миллиметра. Выпуклая. На месте.

— Здравствуйте, Сергей, — сказала она спокойно, всё ещё не глядя в глаза. — Проходите, присаживайтесь. Сегодня нам предстоит сделать из вас красавца.

— Здравсьте, Вера Петровна, — хмыкнул мужчина. — Красавца? Я по сценарию в финале с проломленным черепом лежу.

— Именно. Самый фотогеничный труп в вашей карьере, — она наконец подняла глаза. Взгляд упёрся в переносицу, но не задержался на ней. Лицо расплылось, потеряло фокус. Вера сосредоточилась на асимметрии ноздрей. Левая чуть западала. Спинка носа кривилась.

Всё верно.

Мир снова обрёл устойчивость. Лицо перестало быть незнакомым пятном, оно превратилось в карту местности, где каждый бугорок и впадина имели своё название и координаты. Остальное было делом техники. Она не просто красила лица — она восстанавливала их по сохранившимся деталям, как реставратор восстанавливает фреску по кусочкам штукатурки.

Она работала быстро, но не суетливо. Пальцы двигались с точностью хирургического робота. Тупой губной помадой она создавала эффект обезвоживания. Серые тени на скулах имитировали трупное окоченение. Вокруг шрама на мочке уха она наложила тончайший слой латекса, смешанного с загустителем крови, создавая иллюзию того, что кровь свернулась и застыла, стекая по шее.

Актёр послушно сидел, прикрыв глаза. Его дыхание было ровным. Для него это была рутина — час неподвижности и скуки. Для неё — напряжённый акт картографирования. Пока она работала, в голове автоматически обновлялся файл. Таксист с ожогом на щеке, которого она видела вчера по дороге на студию. Кассирша в супермаркете с глубо-

кой яркой-оспинкой над левой бровью. Сын, у которого на запястье была маленькая родинка в виде полумесяца, а на подбородке — шрам от падения с велосипеда в пять лет.

Она боялась того дня, когда эти метки исчезнут. Вдруг шрам затянется? Вдруг родинку удалят? Это было равносильно смерти человека. Нет, хуже. Это было равносильно его исчезновению. Если человек лишался своей особой приметы, он становился для Веры Петровны невидимкой. Она могла столкнуться с ним в коридоре, поговорить, обслужить его — и не узнать. Потому что «личность» была не в овале лица, не в цвете глаз, а в этих крошечных, уязвимых дефектах.

— Готово, — произнесла она ровно через пятьдесят две минуты, отступая на шаг и вытирая руки влажной салфеткой. — Можете взглянуть.

Сергей открыл глаза, повернулся к зеркалу. С минуту он молча разглядывал своё отражение, и Вера Петровна с удовлетворением отметила, как у него расширились зрачки. Это была лучшая оценка — животный ужас перед увиденным. Из зеркала на него смотрел мертвец. Не загримированный актёр, а настоящий покойник с заострившимися чертами, с синюшными губами и с запёкшейся кровью, которая, казалось, ещё влажно блестела в искусственном свете.

— Жутко, — выдохнул он. — Это... это великолепно, но жутко. Я себя не узнаю.

— Это грим, — пожала плечами она. — Вы и не должны

узнавать себя. Вы должны узнавать труп.

Он ещё раз покрутил головой, разглядывая шрам на ухе.

— Даже этот старый шрам, смотрите, как вы его обыграли. Я про него почти забыл, а вы сделали его центром всей композиции.

— У каждого лица есть своя история, Сергей, — сказала она, складывая кисти в стерилизатор. — Хороший визажист просто умеет её читать.

Он ушёл, рассыпавшись в благодарностях, а Вера Петровна осталась в гримёрной одна. Запах ацетона смешивался с запахом латекса и искусственной крови. Лампы всё так же монотонно гудели. Она вытащила из блокнота вкладной листок с записями по «Объекту № 1147» и сделала пометку: «Реакция на грим — положительная. Выделять шрамы в будущих проектах. Избегать плотного тона на ушах, кожа склонна к раздражению».

Вера Петровна была виртуозом. В своей мастерской, где каждый изъян становился произведением искусства, она чувствовала себя Богом, собирающим людей заново. Но каждый раз, закрывая за клиентом дверь, она испытывала одно и то же чувство — необъяснимое, липкое, поднимающееся откуда-то из солнечного сплетения чувство абсолютного одиночества. Она никогда не видела лиц. Она видела лишь их руины. И в этом был парадокс её жизни: делая людей красивыми, она всё равно не могла их узнать.

Вечером, когда студийный комплекс опустел и длинные

гулки коридоры наполнились эхом шагов охранников, Вера Петровна спустилась в подземный паркинг. Её каблук звонко цокала по бетонному полу. Она шла к своей машине, старенькому серебристому внедорожнику, который узнавала по характерной вмятине на заднем левом крыле — след от неудачной встречи с бетонной колонной.

В машине она включила обогрев и несколько минут сидела, глядя на бетонную стену. Ей нужно было успокоить ум, который всё ещё работал в режиме картографа. Завтра предстоял важный день. Новая клиентка. Или клиент? Она не запомнила имя, когда администратор записывал звонок. В ежедневнике было помечено просто: «Вторник, 10:00. Первичная консультация. Невеста. Свадебный макияж».

Свадьбы Вера Петровна не любила. Невесты были сложным материалом. Они требовали красоты, которая одновременно была бы естественной и яркой. Но хуже всего было то, что невесты часто приходили с идеальной кожей. Отсутствие дефектов ввергало Веру в панику. Ровный тон лица без родинок, без шрамов, без пигментных пятен был для неё белой простыней, на которой не за что зацепиться взгляду. В таких случаях она полагалась на причёску, на форму бровей, на цвет помады, но это было мучительно — работать с человеком, чьё лицо не имеет карты.

Она завела двигатель. Машина мягко заурчала.

Вера Петровна не верила в предчувствия. Она верила в анатомию, в свет и в химический состав тональных кремов.

Но когда она выезжала из паркинга в морось осеннего города, ей вдруг показалось, что свет уличных фонарей стал чуть более резким, а тени — чуть более глубокими. Она списала это на усталость. Два трупа, один ожог третьей степени и фэнтезийный эльф за одну неделю. Глазам нужен отдых.

Она приехала домой в половине одиннадцатого. Квартира встретила её тишиной и запахом остывшего чая с чабрецом. Сын, двенадцатилетний Мирон, уже спал. Вера на цыпочках прошла в его комнату, остановилась на пороге. В полумраке она видела очертания фигуры под одеялом, спутанные волосы на подушке. Она подошла ближе, наклонилась. Её рука сама собой потянулась к его лицу, но она отдернула себя. Не стоило его будить. Вместо этого она осторожно взяла его левую руку, лежавшую поверх одеяла. Повернула запястьем вверх. В тусклом свете ночника из приоткрытой двери она увидела их — три крошечные родинки, складывающиеся в полумесяц. Её личный созвездия, по которым она узнавала своего ребёнка.

Сердце, сжавшееся за день в тугую комок, расслабилось. Она поправила одеяло и вышла.

На кухне она налила себе бокал красного вина, села за стол и открыла ноутбук. Нужно было выставить счёт за сегодняшнюю работу. Стук клавиш, цифры, проценты — это успокаивало. Рутинка. Она сделала глоток вина и взглянула на часы. Без четверти одиннадцать. Пора спать, завтра эта непонятная невеста.

Прежде чем выключить ноутбук, она по привычке зашла в социальные сети. Лента зарябила фотографиями. Улыбающиеся лица, лица на пляже, лица в ресторанах, лица с детьми, лица с кошками. Бесконечный парад масок, за которыми она не могла разглядеть ничего, кроме декораций. Она бездумно скроллила ленту, пока взгляд не зацепился за одно фото.

Это была актриса, которую она гримировала пару месяцев назад. Вера остановилась не потому, что узнала её лицо. Она узнала крошечную капиллярную сеточку у неё на левом веке — красные прожилки, которые она так тщательно маскировала консилером с зелёным подтоном. Теперь актриса улыбалась в камеру, и сеточка была едва заметна. Кто-то другой, менее талантливый визажист, поработал над ней плохо. Вера поджала губы, сделала мысленную заметку написать коллеге, чтобы не экономил на праймере, и закрыла крышку ноутбука.

Ночью ей приснился сон. Она стояла посреди своей гримёрной, но все лампы вокруг зеркала были разбиты. Вместо света из них сочилась тьма. Она повернулась к креслу, где обычно сидели клиенты, и увидела там фигуру. Это был человек. Она знала, что это человек, потому что у него были руки, туловище, ноги. Но на месте лица, там, где должны были быть глаза, нос, рот, была абсолютно гладкая, ровная кожа, натянутая на череп, словно шёлковый чулок. Ни одной поры. Ни одной морщины. Ни одной родинки. Она шагнула

ближе, вглядываясь в эту пустоту, и вдруг осознала с леденящим ужасом, что она смотрит в зеркало.

Она проснулась от собственного крика.

Сердце колотилось о рёбра. Простыня была влажной от пота. Вера села на кровати, хватая ртом воздух. За окном только начинало сереть. Она нащупала выключатель ночника. Мягкий оранжевый свет залил спальню, выхватив из темноты привычные очертания мебели. Она поднесла руки к лицу. Пальцы дрожали. Она провела ими по своим щекам, по носу, по лбу, ощупывая текстуру кожи. Морщинки на лбу. Маленькая папиллома у крыла носа, которую она давно собиралась удалить, но оставила именно как опознавательный знак для себя самой. Старый шрам на подбородке — память о падении с качелей в детстве.

Всё на месте.

Она — это всё ещё она.

Остаток ночи она провела без сна, сидя на кухне и глядя на то, как город медленно просыпается за окном. Она пила чай и думала о том, что сон был слишком реалистичным. Лицо без черт. Пустое полотно. Она никогда не боялась зеркал, но сегодня впервые ей захотелось занавесить все отражающие поверхности в доме.

Утро началось с суеты. Мирон, сонный и взъерошенный, в одних носках прошлёпал на кухню. Вера уже приготовила ему кашу и стояла у плиты, когда он обнял её со спины.

— Привет, мам.

Она повернулась, взглянула на его подбородок. Шрам. Родинки на запястье мелькнули, когда он потянулся за ложкой. Она облегчённо выдохнула.

— Привет, родной. Садись ешь, а то в школу опоздаешь.

Пока он завтракал, она внимательно рассматривала его лицо. Да, она не видела его как целостный образ. Она не могла бы описать его словами, если бы её попросили. Но она знала каждую его чёрточку, каждую щербинку, каждую складочку. Она знала, что у него густые брови, унаследованные от отца, и что между бровями начинает появляться вертикальная морщинка, потому что он много хмурится за уроками. Она знала всё это не потому, что видела лицо, а потому, что годами изучала его как самую важную карту в своей жизни.

После того как Мирон ушёл, она начала собираться на работу. Душ, одежда, макияж. Глядя на своё отражение, она работала на автопилоте. Тональный крем, пудра, тушь. Она не красилась для красоты — она подкрашивала свои опознавательные знаки, делая их ярче, заметнее. Родинку над губой она всегда обводила коричневым карандашом, делая её чуть темнее. Шрам на подбородке специально не маскировала. Пусть будет. Пусть все видят.

В девять тридцать она уже была в студии. Гримёрная встретила её всё тем же гудящим светом. Она переоделась в рабочий халат, разложила инструменты, проверила сроки годности косметики. Всё было готово. До прихода клиентки

оставалось полчаса.

В девять пятьдесят две администратор Инга заглянула в дверь.

— Вера Петровна, ваша на десять пришла. Минуточку, и я её провожу.

— Хорошо, — ответила Вера, не оборачиваясь. Она протирала кисти.

Дверь открылась. Вера услышала шаги — лёгкие, уверенные. Ткань, кажется, шёлк или что-то шуршащее. Запах духов — дорогих, с нотками ириса и табака. Она повернулась с профессиональной улыбкой.

В кресло садилась женщина.

Первое, что бросилось в глаза Вере Петровне, — это осанка. Спина прямая, плечи расправлены. Длинные волосы — каштановые, вьющиеся — были собраны в низкий небрежный пучок, из которого выбивались отдельные пряди. Вера скользнула взглядом по фигуре, по рукам — тонкие запястья, длинные пальцы без колец, ухоженные ногти, покрытые прозрачным лаком.

А потом она подняла взгляд на лицо.

И замерла.

Это было странно. Очень странно. Вера моргнула, потом ещё раз. Она смотрела на клиентку и не могла найти ни одной зацепки. Кожа была ровной, без единого изъяна. Никаких родинок. Никаких пигментных пятен. Никаких морщин, кроме едва заметных мимических, которые, казалось, исче-

зали, стоило отвести взгляд. Брови — ровные дуги, идеальной, почти математической формы. Глаза — цвет? Вера не могла понять. Серые? Зелёные? Голубые? Они ускользали от определения, менялись в зависимости от угла падения света. Нос — прямой, без горбинки, без асимметрии. Губы — ни тонкие, ни пухлые, просто губы.

Это было лицо, которое не содержало ни одной особой приметы. Ни одной.

У Веры Петровны задрожали пальцы. Такого не могло быть. У каждого человека есть свои особенности. Просто кто-то их скрывает, а кто-то нет. Она сделала шаг ближе, вглядываясь в лицо женщины так пристально, как не вглядывалась ни в одно другое лицо за последние несколько лет.

— Здравствуйте, — сказала женщина. Голос у неё был приятный, спокойный, но какой-то совершенно нейтральный. Ни высокий, ни низкий, без характерных ноток.

— Здравствуйте, — автоматически ответила Вера. — Меня зовут Вера Петровна. Я сегодня буду работать с вами. Располагайтесь удобнее. Расскажите, какой образ вы хотите получить?

Она говорила, а сама продолжала ощупывать лицо женщины взглядом. Где же зацепка? Где шрам, родинка, асимметрия? Должно же быть хоть что-то! Лоб — гладкий. Скулы — симметричные. Подбородок — округлый, но не слишком. Уши — небольшие, плотно прилегающие к голове, мочки не приросшие и не свободные, а какие-то средние.

— Я хочу быть красивой, — сказала женщина. — Очень красивой. У меня свадьба через неделю. Я хочу, чтобы жених, когда увидит меня, потерял дар речи.

— Понимаю, — Вера кивнула. Она взяла себя в руки. Паника отступила, уступив место профессиональному азарту. Если она не может найти изъяны, значит, она будет работать с той базой, что есть. В конце концов, она же мастер. Она создаст красоту из ничего, из этой гладкой пустоты.

— У вас замечательная кожа, — продолжала Вера, беря в руки палетку с тональными средствами. — Плотный тон, я думаю, не понадобится. Мы возьмём лёгкую основу, чтобы выровнять тон, хотя у вас он и так идеальный. Скажите, вы пользуетесь какими-то специальными средствами?

— Я просто умываюсь водой, — ответила женщина, и её губы тронула лёгкая улыбка.

Вера вздрогнула. Улыбка была симметричной. Абсолютно симметричной. Так не бывает. У всех людей при улыбке один уголок рта поднимается чуть выше другого. У всех. Это анатомический факт. Она перевела взгляд на фотографию, которую принесла с собой клиентка — образец макияжа, вырванный из журнала. На снимке была модель с ярко выраженной асимметрией лица: правая бровь выше левой, нос с горбинкой. Это успокоило Веру. Вот оно, доказательство того, что мир ещё не сошёл с ума.

— Давайте начнём с подготовки кожи, — сказала она, беря в руки тоник. — Закройте, пожалуйста, глаза.

Женщина послушно прикрыла веки. Вера наклонилась к её лицу. Расстояние между ними сократилось до нескольких сантиметров. Она осторожно провела ватным диском по лбу, по щекам, по подбородку. Её пальцы, привыкшие ощущать текстуру кожи, не находили ни единого бугорка. Это была не кожа, это был шёлк. Или пластик.

Она взяла базу под макияж. Растёрла в пальцах, нанесла на лицо клиентки лёгкими похлопывающими движениями. Ладони скользили по коже, как по стеклу. Вера боролась с желанием отдёргнуть руки. Что-то было не так. Что-то было глубоко неправильно в этом лице. Оно было слишком гладким. Слишком симметричным. Слишком... пустым.

— Вас как зовут? — спросила Вера, чтобы разбить тишину, которая вдруг начала давить на уши.

— Алиса, — ответила женщина, не открывая глаз.

— Красивое имя. Редкое.

— Вам нравится?

— Да, — Вера взяла консилер и начала точечно наносить его на зону под глазами, хотя тёмных кругов там почти не было. — А кто у вас жених? Расскажите о нём.

— Он замечательный, — голос Алисы звучал мечтательно, но как-то отстранённо, словно она читала текст по бумажке. — Он высокий, темноволосый. Работает в банке. Мы познакомились в метро. Он мне улыбнулся, и я поняла, что это судьба.

Вера слушала и продолжала работать. Её пальцы двига-

лись машинально, пока она пыталась найти хоть какой-то дефект. И вдруг её взгляд упал на линию роста волос. Она замерла. Там, у самого краешка лба, почти скрытое волосами, было крошечное пятнышко. Родинка? Нет. Это был микроскопический шрам, тонкий, как нить, белый след на коже.

Есть!

Вера едва не засмеялась от облегчения. Ну конечно! Просто дефект был хорошо спрятан. Она смогла выдохнуть. Её система дала сбой из-за волнения, но теперь всё встало на свои места. У этой женщины, у этой идеальной Алисы, есть маленький шрам у линии роста волос. Это её метка.

— У вас здесь шрамик, — сказала Вера. — Как вы его получили?

Алиса открыла глаза. На мгновение Вере показалось, что в их серо-зелёно-голубой глубине что-то промелькнуло. Недоумение? Тревога? Но уже в следующую секунду взгляд снова стал ровным и спокойным.

— Ах, это, — она коснулась пальцами того места. — Не помню. Кажется, в детстве упала. Не обращайтесь внимания.

— Я просто хотела понять, нужно ли его маскировать, — сказала Вера, снова возвращаясь к работе. — Причёска, я полагаю, будет с открытым лбом?

— Да, волосы будут убраны наверх.

— Тогда мы его чуть подретушируем, — Вера взяла корректор, нанесла тончайший слой на шрам и тщательно растушевала. — Вот и всё. Совсем незаметно.

Она продолжала работать, но чувство тревоги не уходило до конца. Маленький шрам у линии роста волос. Это было её спасением. Но почему-то сейчас, глядя на лицо Алисы в обрамлении ярких ламп, Вера Петровна думала о том, что один-единственный крошечный шрам — это слишком мало. Слишком ненадёжно. Что, если завтра она придёт, и шрама не будет? Исчезнет, как и не было? Или что, если она перепутает её с кем-то другим, у кого есть похожий дефект?

— Вера Петровна, — голос Алисы вывел её из задумчивости. — У вас такие холодные руки.

— Простите, — пробормотала Вера. — Кондиционер. Сейчас согрею.

Она отошла к батарее, прижала ладони к горячему металлу. Сердце колотилось где-то в горле. Она взглянула на часы. Прошло всего двадцать минут. Ещё сорок. Нужно сделать макияж. Красивый свадебный макияж для красивой невесты. Она сможет. Она всегда сможет.

Она вернулась к креслу. Алиса сидела всё в той же позе — спина прямая, руки сложены на коленях. От неё веяло спокойствием. Но это было какое-то неправильное спокойствие, спокойствие манекена.

Вера принялась за макияж глаз. Она выбрала тени тёплых персиковых оттенков. Её пальцы, всё ещё немного дрожащие, начали привычно двигаться. Она прорабатывала складку века, высветляла уголки глаз, наносила тушь. Глаза Алисы под её руками становились выразительнее, ярче. Но Вере

всё время казалось, что она красит не живое лицо, а гипсовую маску. Ресницы были мягкими, брови поддавались щётке, веки вздрагивали от прикосновений — но что-то было не так.

Закончив с глазами, она перешла к губам. Выбрала нежный розовый оттенок, провела кистью по контуру. Губы были идеальными. Верхняя губа равна нижней по пухлости. Уголки — на одном уровне. «Арка Купидона» — симметричная. Это раздражало. Это бесило. Вера привыкла исправлять недостатки, подчёркивать достоинства, играть на контрастах. Здесь не было ни того, ни другого.

— Ну вот, — сказала она, отступая. — Основной макияж готов. Можете посмотреть.

Алиса повернулась к зеркалу. Долго, очень долго смотрела на своё отражение. Вера замерла, ожидая реакции. Обычно клиентки начинали ахать, улыбаться, говорить спасибо. Алиса молчала. Она изучала своё лицо с таким вниманием, словно видела его впервые.

— Мне нравится, — наконец произнесла она. — Вы очень талантливы, Вера Петровна. Но знаете, мне кажется, что вы меня не видите.

Вера вздрогнула. Фраза прозвучала безобидно, но от неё повеяло холодом.

— Что вы имеете в виду? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Вы смотрите на меня, но видите что-то другое. Как буд-

то я для вас — пустое место, — Алиса повернулась и посмотрела прямо на Веру. — Или я ошибаюсь?

Вера почувствовала, как кровь отливает от лица. Она открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. Клиентка попала в точку. Она действительно не видела её лица. Она видела только шрам у линии роста волос и больше ничего. Всё остальное было размытой пустотой, которую она заполняла тональным кремом и тенями.

— Ну что вы, — натянуто улыбнулась Вера. — Я просто сосредоточена на работе. Профессиональная деформация. Я вижу всё.

— Правда? — Алиса улыбнулась той же симметричной улыбкой. — Тогда опишите меня.

— Что?

— Опишите моё лицо. Если вы меня видите, вы сможете меня описать.

Это был вызов. Прямой и открытый. Вера стояла перед ней с кисточкой в руке и чувствовала, как пол уходит из-под ног. Она перевела взгляд на лицо Алисы, попыталась сфокусироваться, запомнить. Шрам у линии роста волос. Это единственное, что зацепилось в памяти. Всё остальное расплывалось, как чернила на мокрой бумаге. Глаза? Какие глаза? Какой формы? Какого цвета? Она только что красила их, но уже не помнила. Брови? Нос? Губы?

— У вас... у вас правильные черты лица, — начала она неуверенно. — Симметричные. Хорошая кожа. Волосы каш-

тановые.

Алиса рассмеялась. Смех был таким же нейтральным, как и голос — ни громким, ни тихим, без индивидуальных ноток.

— Неужели? — она встала с кресла, взяла свою сумочку. — Хорошо, я заплачу за макияж. Вы очень способный визажист. Увидимся через неделю на моей свадьбе. Я хочу, чтобы вы меня красили в тот день. Я пришлю адрес.

— Но... — начала Вера. — Мы ещё не договорились о деталях. О цене, о времени. И где будет проходить свадьба? Вы не оставили свой телефон.

— У меня есть ваш, — Алиса направилась к двери. — Я сама с вами свяжусь.

Дверь за ней закрылась. Вера Петровна осталась стоять посреди гримёрной. В руке она всё ещё сжимала кисточку для помады. Лампы гудели, как растревоженный улей. Она подошла к зеркалу, взглянула на своё отражение. Лицо было бледным, под глазами залегли тени. Она видела свою родинку над губой, свой шрам на подбородке, свою папиллому у крыла носа. Она видела все свои дефекты. Она была настоящей.

— Я тебя видела, — прошептала она своему отражению. — У тебя был шрам. Я тебя узнаю.

Но слова прозвучали неубедительно даже для неё самой. С того дня что-то изменилось. Сначала Вера не могла понять, что именно. Мир казался прежним: те же улицы, та же

студия, те же клиенты. Но когда она шла по коридору и смотрела на коллег, ей вдруг начинало казаться, что их лица плывут. Что индивидуальные черты, которые она так тщательно каталогизировала годами, становятся менее чёткими. Менее заметными.

Был ли у Инги шрам над правой бровью? Она не могла вспомнить. Она точно знала, что вчера он был. Но сегодня утром, увидев администратора, Вера на мгновение засомневалась. Шрам был на месте? Или ей показалось? Она подошла ближе, взгляделась. Да, вот он, тонкая белая полоска. Но почему-то он казался менее глубоким, словно стёрся за ночь.

— Вера Петровна, с вами всё в порядке? — спросила Инга. — Вы так на меня смотрите.

— Всё нормально. Голова немного болит. Давление, наверное.

Она прошла в свою гримёрную и плотно закрыла дверь. Села в кресло. Руки дрожали. Ей нужно было успокоиться, взять себя в руки. Это просто мнительность. Просто переутомление. Просто та странная клиентка выбила её из колеи.

Она достала блокнот. Открыла страницу, где сегодня утром сделала запись о новой клиентке. Там стояло: «Объект № 1382 (Алиса, невеста). Шрам у линии роста волос слева, 0,7 см, тонкий, белый. Лицо очень симметричное. Кожа без дефектов. Цвет глаз — не определён».

Ниже она дописала сегодня, сразу после её ухода: «Психотип: тревожный. Может быть агрессивной. Избегать кон-

фликта. Обеспечить чёткую систему опознавания на случай повторного визита».

Она закрыла блокнот. Сердце колотилось. Ей казалось, что стены гримёрной сужаются, а гул ламп становится всё громче. Ей нужен был воздух. Она вышла в коридор и направилась к лестнице, ведущей на крышу. На студийной крыше был небольшой садик, где сотрудники иногда курили. Сейчас там никого не было. Моросил мелкий дождь.

Вера подставила лицо холодным каплям. Закрыла глаза. Мысли путались. Она вспомнила слова Алисы: «Вы меня не видите». Они жгли, как пощёчина. Да, у неё прозопагнозия. Да, она не видит лиц. Но она научилась жить с этим, научилась обходить эту слепоту, научилась видеть то, чего не видят другие. Так почему же эта женщина так её напугала?

Потому что она была никакая. Потому что в ней не было ни одной заметной черты. Потому что таких людей не бывает. Это был какой-то сбой в системе, аномалия, которая грозила обрушить всю её тщательно выстроенную вселенную, где каждая вещь и каждый человек имели своё место и свой ярлык.

Вера простояла на крыше полчаса. Замёрзла до дрожи, но в голове немного прояснилось. Она решила, что больше не будет думать об этой Алисе. Мало ли странных людей на свете. Придёт на свадьбу — она её накрасит. Шрам у линии роста волос — вот её маяк. Она же записала: «Объект № 1382, шрам 0,7 см». Всё под контролем.

Она спустилась вниз и принялась за работу. Остаток дня прошёл спокойно. Было три клиента: пожилая актриса с глубокими носогубными складками (их Вера знала как свои пять пальцев), молодой человек с ярко выраженной асимметрией челюсти после аварии и подросток-модель с россыпью веснушек на носу. Каждый из них был уникален. Каждый нёс на себе печать своей личности. Вера работала с упоением, наслаждаясь возможностью снова видеть разницу, видеть детали, видеть жизнь.

Вечером она забрала Мирона из школы и повезла его в кафе. Они сидели у окна, ели пиццу и разговаривали о его уроках. Вера смотрела на его лицо и испытывала огромное облегчение. Шрам на подбородке никуда не делся. Родинки на запястьях были на месте. Её мальчик был настоящим, живым, неповторимым.

— Мам, ты чего? — спросил Мирон с набитым ртом. — Ты сегодня какая-то странная.

— Ничего, — она улыбнулась. — Просто рада тебя видеть.

Он фыркнул и продолжил есть. А Вера поймала себя на мысли, что впервые за долгое время она испытывает страх не оттого, что не может узнать кого-то, а оттого, что кто-то может оказаться неузнаваемым в принципе.

Ночью она снова увидела сон. На этот раз она была не в гримёрной, а на свадьбе. Вокруг стояли гости — мужчины в костюмах, женщины в платьях. Все они повернулись к ней.

И у всех были лица Алисы. У всех до единого. Они улыбались своими симметричными улыбками и спрашивали хором: «Ты нас видишь?»

Она проснулась в холодном поту в три часа ночи. Встала, пошла на кухню. За окном лил дождь. Город спал, укутанный в мокрую тьму. Вера пила воду и думала, что никогда больше не согласится работать на свадьбах. Только бы она не позвонила. Только бы она исчезла.

Но Алиса позвонила. Ровно через неделю, в пятницу утром. Её голос в трубке был всё таким же нейтральным, лишённым эмоциональной окраски.

— Вера Петровна, доброе утро. Это Алиса. Свадьба послезавтра, в воскресенье. Я пришлю за вами машину в семь утра.

— Я могу приехать сама, — быстро сказала Вера. — Мне нужен адрес.

— Нет-нет, за вами приедут. Так будет надёжнее. Не волнуйтесь, всё оплачено. До встречи.

В трубке раздались короткие гудки. Вера сжимала телефон в руке и чувствовала, как страх, липкий и холодный, поднимается откуда-то из живота и заполняет всё тело. Она поняла, что не хочет ехать на эту свадьбу. Она поняла, что боится эту женщину. Но отказаться не могла. Что-то в голосе Алисы, в её манере говорить не терпело возражений.

Она подошла к окну, отдёрнула штору. Внизу, во дворе, стояли люди. Обычные прохожие, спешащие по своим де-

лам. Она посмотрела на них сверху и вдруг заметила странность. Они все казались какими-то одинаковыми. Не просто похожими — одинаковыми. Фигуры, рост, походка — всё это ещё различалось, но лица... Лица расплывались. Даже на таком расстоянии, даже с её обострённым зрением на детали, она не могла разглядеть индивидуальных черт. Только гладкие овалы.

Вера отёрнула руку от шторы. Ткань упала, отрезав вид на улицу. Она прислонилась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза. Может быть, болезнь прогрессирует? Может быть, прозопагнозия стала глубже? Такое бывает. Стресс, усталость, возраст.

А может быть, дело не в ней. Может быть, что-то происходит с миром.

Эта мысль показалась ей безумной, но она не могла от неё отделаться. Где-то на периферии сознания, в тёмном чулане, куда она прятала самые иррациональные страхи, родилась догадка, что та женщина, Алиса, является не просто клиенткой. Она — симптом. Или предвестник. Или причина.

Воскресенье приближалось неумолимо.

Глава 2. Пиршество пустоты

Суббота тянулась бесконечно. Вера Петровна не находила себе места. Каждое утро теперь начиналось с ритуала: она вставала с постели, босиком шла в ванную и, ещё не включая свет, касалась своего лица. Пальцы скользили по рельефу — шрам на подбородке, папиллома у крыла носа, родинка над губой. Она делала это с закрытыми глазами, полагаясь только на осязание, потому что зрение в последние дни стало предательски ненадёжным. Зеркала вызывали тошнотворное головокружение. Ей казалось, что отражение в них живёт своей жизнью, задерживая движения на долю секунды или, напротив, опережая их.

За окном моросил дождь. Серый, монотонный, он размывал очертания домов, превращая город в акварельный набросок на мокрой бумаге. Вера стояла у окна с чашкой остывшего кофе и смотрела на улицу. Прохожие с зонтами спешили по тротуару. Их лица, видимые с высоты четвёртого этажа, казались белёсыми пятнами. Раньше она различала бы походку, характерный наклон головы, жест поправить волосы — теперь же фигуры внизу выглядели одинаковыми марионетками, которых дёргает за ниточки один и тот же кукловод.

Она отошла от окна, задернула штору. Сегодня нужно было собрать Мирона к школьной олимпиаде. Он уезжал с

классом в соседний город на весь день, возвращался только к вечеру. Это было кстати — ей не придётся объяснять своё состояние, прятать дрожащие руки и натянутую улыбку. Она не хотела, чтобы сын видел её такой.

— Мам, ты мою синюю рубашку гладила? — Мирон появился на пороге кухни, уже почти одетый, взлохмаченный, с зубной щёткой в руке.

Вера обернулась. Её взгляд автоматически метнулся к его подбородку. Шрам. На месте. Родинки на запястье — она заметила их, когда он протянул руку, чтобы опереться о дверной косяк. Три крошечные точки, созвездие, по которому она узнавала самого родного человека. Облегчение накатило тёплой волной.

— Погладила, в шкафу висит. Иди умойся, завтракать пора.

Он кивнул и исчез в ванной. Вера прижала ладонь к груди, пытаясь унять сердцебиение. Каждый раз, глядя на сына, она испытывала один и тот же приступ паники: а вдруг сегодня шрам исчезнет? Вдруг кожа станет гладкой, как у той женщины? Она понимала, что это безумие, но ничего не могла с собой поделать.

Вчера она звонила своему врачу — неврологу, который когда-то поставил ей диагноз. Записалась на приём, но ближайшее окно было только через две недели. Медсестра в регистратуре равнодушно предложила «пока попить успокоительное». Вера купила в аптеке пустырник, но он не помо-

гал. Тревога сидела где-то в солнечном сплетении, холодным комком, и не желала растворяться.

После завтрака она проводила Мирона до лифта, чмокнула в макушку, вдохнула запах его волос — детский шампунь с ромашкой. Двери лифта закрылись, и она осталась одна в гулком подъезде. Тишина навалилась, как ватное одеяло.

В квартире было слишком много зеркал. В прихожей — высокое, в полный рост, доставшееся от прежних хозяев. В ванной — аптечное триптих, позволяющее видеть себя в профиль. В спальне — трюмо с овальным стеклом, подарок бывшего мужа, который она так и не решилась выбросить. Сегодня все эти отражающие поверхности казались Верё глазами неведомого наблюдателя. Она прошлась по квартире, завешивая зеркала пледами и полотенцами. Трюмо накрыла старой простынёй. В ванной оставила только центральную створку — для гигиенических нужд, — а боковые заклеила малярным скотчем, который нашёлся в кладовке.

Покончив с этим, она села за кухонный стол и открыла свой блокнот. Картотека изъянов — её личная библия, единственная опора в мире, который терял чёткость. Страницы, исписанные бисерным почерком, хранили тысячи описаний. Она пролистывала их, и перед глазами вставали образы: вот у Инги шрам над правой бровью, тонкий, как след от лезвия; вот у Сергея родинка на виске; вот у бывшего мужа — капиллярная сеточка на крыльях носа, которую он стеснялся, а она всегда находила трогательной. Она перечитывала эти

записи, как молитву. Мир сужался до размеров блокнота, и это приносило почти физическое облегчение.

Где-то в середине блокнота она нашла вчерашнюю запись: «Объект № 1382 (Алиса, невеста). Шрам у линии роста волос слева, 0,7 см, тонкий, белый. Лицо очень симметричное. Кожа без дефектов. Цвет глаз — не определён». Она провела пальцем по строчкам. «Цвет глаз — не определён». Как такое возможно? Она визажист, она работает с оттенками, она различает тончайшие нюансы цвета — но глаза Алисы ускользали от любого определения. Они были никакими. Серо-зелёно-голубыми — и одновременно ни одним из этих цветов.

Вера захлопнула блокнот. Довольно. Завтра она поедет на эту свадьбу, сделает свою работу и вернётся домой. Это просто очередная клиентка, пусть и странная. Может быть, у неё какая-то редкая форма генетической симметрии, может быть, она перенесла пластическую операцию, может быть, всё дело в освещении. Нельзя поддаваться иррациональному страху. Она, Вера Петровна Краснова, профессионал с двадцатилетним стажем, не имеет права на панику.

Она заставила себя поесть — лёгкий овощной суп, — потом легла на диван и попыталась читать. Книга, старый детектив Агаты Кристи, выпала из рук через десять минут. Строчки плыли, слова теряли смысл. Она закрыла глаза и провалилась в беспокойную дрему.

Ей приснился коридор. Длинный, бесконечный, с дверя-

ми по обе стороны. Она шла по нему, и шаги гулко отдавались под сводами. Все двери были одинаковыми — серые, без табличек, без ручек. Она толкала их одну за другой, но они не открывались. Коридор сужался, стены сдвигались. Она побежала. В конце коридора возникла фигура — женский силуэт в белом платье. Вера рванулась к нему, уже зная, кого увидит. Женщина обернулась. У неё было лицо Алисы — но не такое, как в жизни. Глаза, нос, рот были прорисованы, но словно ластиком прошлись по деталям, оставив только размытые контуры. Алиса улыбнулась своей симметричной улыбкой, и Вера увидела, что у неё на лбу, там, где должен быть шрам, — гладкая, нетронутая кожа. Никакого шрама. Никакой зацепки.

— Ты меня не видишь, — произнесла Алиса одними губами, и звук разнёсся эхом. — Ты никогда меня не видела.

Вера закричала и проснулась. За окном сгущались сумерки. Мобильный телефон на журнальном столике вибрировал, высвечивая номер Мирона.

— Мам, мы уже едем обратно, будем часа через два. Ты как?

— Хорошо, родной, — голос звучал хрипло, она откашлялась. — Я тебя встречу.

— Не надо, я сам дойду, не маленький. Ты отдыхай.

Он отключился. Вера с минуту сидела, глядя на погасший экран. Чувство реальности понемногу возвращалось. На кухне закипал чайник, в комнате пахло книжной пылью и мя-

той, капли дождя барабанили по подоконнику. Обычные вещи, якоря, удерживающие её в этом мире.

Она решила завтра надеть строгий костюм — тёмно-синий, с серебристой брошью в виде стрекозы. Стрекоза была её талисманом. Крылья, инкрустированные мелкими стразами, переливались на свету. Она помнила каждую царапину на этой броши, каждую грань. Если мир окончательно сойдёт с ума, она будет держаться за эту стрекозу, как за спасательный круг.

Воскресенье началось с тумана. Город утонул в молочной пелене, сквозь которую не пробивался даже свет фонарей. Вера проснулась в шесть утра, хотя будильник был поставлен на полседьмого. Спать больше не хотелось. Она приняла душ — с закрытыми глазами, чтобы случайно не увидеть своё отражение в незаклеенной створке, — потом выпила кофе и надела заранее приготовленный костюм. Брошь-стрекоза заняла своё место на лацкане пиджака.

Кейс с косметикой был собран ещё вчера. Она перепроверила всё трижды: тональные основы, праймеры, консилеры, палетки теней, кисти, спонжи, фиксаторы макияжа. Всё на своих местах. В отдельном кармашке лежал блокнот с записями. Она вытащила его, пролиستала до страницы с Алисой и ещё раз перечитала. «Шрам у линии роста волос слева, 0,7 см». Эта фраза была её мантрой.

В семь утра у подъезда просигналил автомобиль. Вера выглянула в окно. Внизу стоял длинный чёрный седан с тони-

рованными стёклами. Водитель — мужчина в тёмном костюме — стоял у открытой задней дверцы и смотрел вверх, на окна. Его лицо было неразличимо в утреннем полумраке и тумане. Вера накинула плащ, схватила кейс и вышла из квартиры.

Спускаясь в лифте, она поймала себя на том, что разглядывает собственное отражение в полированной стальной панели. Черты лица казались чужими, расплывчатыми, словно отражение в воде, потревоженной брошенным камнем. Она отвела взгляд. «Со мной всё в порядке. Это просто стресс», — повторяла она про себя.

На улице туман обнял её влажными холодными ладонями. Водитель, заметив её, чуть склонил голову в приветствии. Вера подошла ближе. Это был человек средних лет, с правильными, но абсолютно незапоминающимися чертами. Ни шрамов, ни родинок, ни морщин, кроме тех, что предписаны возрастом, — да и те казались какими-то стёртыми, будто нарисованными неуверенной рукой. Прямой нос, ровные брови, губы средней полноты, глаза неопределённого цвета. Вера вздрогнула. Неужели тоже? Или ей теперь всюду мерещится?

— Вера Петровна? — спросил водитель. Голос был под стать внешности — ровный, без акцента, без хрипотцы, без индивидуальных интонаций. — Прошу, садитесь.

Она села в машину. Салон пах кожей и каким-то сладковатым освежителем. Заднее сиденье было просторным, но

Вера чувствовала себя неудобно, словно попала в стерильную капсулу. Водитель тронулся с места, и машина плавно поплыла по пустынным улицам.

— Далеко ехать? — спросила Вера, просто чтобы нарушить молчание.

— За городом, — последовал лаконичный ответ. — Усадьба «Озёрная». Примерно час пути.

Она кивнула и отвернулась к окну. Туман постепенно рассеивался, обнажая мокрые от дождя поля и перелески. Вера смотрела на проплывающий пейзаж и пыталась успокоиться. Час — это не так много. Она справится. Она профессионал.

Но внутри неё зрела уверенность, что эта поездка изменит всё. Что-то надвигалось — неотвратимое, как гроза, чьи раскаты уже слышны, хотя небо ещё ясное.

Мысли путались. Она вспомнила, как много лет назад, когда Мironу было три года, она впервые осознала, что не узнает сына в толпе. Они были в парке, мальчик играл в песочнице с другими детьми, и на мгновение Вера потеряла его из виду. Сердце оборвалось. Она металась между песочницей и скамейками, пока не заметила знакомый синяк на коленке — зелёно-жёлтый, заживающий. Она тогда схватила сына в охапку и расплакалась. Именно после того случая она и попала к неврологу, который объяснил, что с ней происходит. С тех пор она выработала систему — не выпускать Мирона из дома без какой-нибудь заметной детали. Яркая шапка, пластырь на локте, наклейка на рюкзаке. Она цепля-

лась за эти маяки, как утопающий за соломинку.

Теперь же ей казалось, что весь мир превращается в ту песочницу. Лица детей, взрослых, стариков — все они сливаются в однородную массу, лишённую маяков. И эта женщина, Алиса, — она была первой ласточкой, предвестницей надвигающейся эпидемии пустоты.

Машина свернула с трассы на узкую асфальтированную дорогу, обсаженную старыми липами. Голые ветви сплетались над головой, образуя ажурный туннель. За деревьями мелькнула гладь озера — серого, неподвижного, как ртуть. Усадьба показалась впереди: старинный особняк с колоннами, окружённый ухоженным парком. Фасад был украшен гирляндами живых цветов — белые розы, лилии, гортензии. Всё дышало роскошью и безупречным вкусом.

Машина остановилась у парадного входа. Водитель вышел и открыл Вере дверцу. Она выбралась наружу, вдыхая влажный воздух с примесью цветочных ароматов. Вокруг уже суетились люди — официанты в белых перчатках, флористы, поправляющие композиции, музыканты, настраивающие инструменты в глубине зала. Звуки скрипки доносились из открытых дверей.

— Вера Петровна! — окликнул её женский голос. Она обернулась.

На ступенях стояла Алиса. Невеста. Вера замерла, вцепившись в ручку кейса.

На Алисе был длинный белый халат — по-видимому, она

ещё не надела подвенечное платье. Волосы были уложены в высокий пучок, открывающий лоб и линию роста волос. Вера тут же нашла глазами шрам. Он был на месте. Тонкая белая ниточка слева, почти невидимая на фоне кожи, но всё же различимая. Живая, реальная. У Веры отлегло от сердца. Она даже выпрямилась и позволила себе вежливую улыбку.

— Доброе утро, Алиса. Поздравляю вас.

— Спасибо, — Алиса спустилась по ступеням, и её шёлковый халат заструился, как вода. — Проходите, я покажу вам комнату для подготовки. У нас всё готово.

Вера последовала за ней. Они миновали просторный холл с мраморным полом и хрустальной люстрой, сверкающей мириадами искр. В углу стояло огромное, в человеческий рост, зеркало в золочёной раме. Вера невольно отвела взгляд — ей показалось, что её отражение замешкалось, прежде чем последовать за ней. Она заставила себя не думать об этом.

Комната для подготовки оказалась светлой, с большим окном, выходящим в парк. Посередине стояло туалетное кресло, рядом — столик с зеркалом, уже оборудованный по последнему слову: лампы дневного света по периметру, профессиональная подставка для кистей, увлажнитель воздуха. Кто-то явно готовился к её визиту.

— Здесь всё, что может понадобиться, — сказала Алиса. — Если чего-то недостаёт, скажите.

Вера обвела взглядом инструменты. Всё было на высшем

уровне, даже лучше, чем в её студии. Она поставила свой кейс на столик и начала раскладывать собственные кисти — привычка, выработанная годами: даже при наличии чужого инструмента она предпочитала работать своим.

— Мы начнём, когда вы будете готовы, — сказала Вера.
— Сколько времени у нас есть?

— Церемония в полдень. Сейчас только девять. Времени достаточно, — Алиса села в кресло и откинулась на спинку. Её лицо в обрамлении ламп было всё таким же симметричным, лишённым индивидуальности. Но шрам, шрам был на месте! Вера цеплялась за него взглядом, как за якорь.

— Прекрасно. Тогда давайте начнём с очищения.

Она работала методично, шаг за шагом. Очищение, тонизирование, увлажнение. Её пальцы касались кожи Алисы — тёплой, гладкой, но по-прежнему вызывающей смутное отторжение. Вера ловила себя на том, что ищет глазами другие дефекты, другие приметы. Их не было. Только шрам. Только этот крошечный белый рубчик, который Алиса, казалось, специально выставляла напоказ, убрав волосы вверх.

— Вы не боитесь, что шрам будет замечен на фотографиях? — спросила Вера, накладывая базу под макияж.

— Нет, — ответила Алиса. — Пусть будет. Это моя единственная метка, которая отличает меня от других.

Фраза прозвучала странно. Вера замерла с кистью в руке.

— В каком смысле — отличает?

Алиса улыбнулась своей фирменной симметричной улыб-

кой. Глаза её при этом оставались неподвижными, словно у куклы.

— Вы же знаете, Вера Петровна, что все люди похожи. Гораздо больше, чем им кажется. Две руки, две ноги, два глаза, нос, рот. Индивидуальность — это иллюзия, созданная мелкими дефектами. Родинка, шрам, кривой зуб. Уберите их — и вы не отличите одного человека от другого. Но мой шрам, — она коснулась лба, — он настоящий. Он делает меня мной. Или вам так кажется?

У Веры пересохло во рту. Слова Алисы вторили её собственным мыслям, её собственному кошмару. Она сглотнула и продолжила работу, стараясь не подавать виду.

— Каждое лицо уникально, — сказала она нейтральным тоном. — Я вижу это каждый день.

— Правда? — Алиса склонила голову набок. — А вы уверены, что видите лица, а не просто коллекцию дефектов? Что для вас важнее — человек или его изъян?

Это был тот же разговор, что и в прошлый раз, но теперь он звучал гораздо более зловеще. Вера чувствовала себя загнанной в угол. Она не хотела отвечать, не хотела раскрывать свою тайну перед этой женщиной, которая, казалось, знала о ней больше, чем она сама.

— Я вижу целостный образ, — соврала Вера. — Дефекты — это лишь часть его.

— Лжёте, — мягко произнесла Алиса. — Вы не помните моего лица. Вы помните только этот шрам. Если бы я его

скрыла, вы бы не узнали меня. Хотите проверить?

Сердце Веры пропустило удар. Рука с кистью зависла в воздухе.

— Что вы имеете в виду?

Алиса не ответила. Вместо этого она подняла руку и пригладила волосы у линии роста, скрывая шрам под прядями. Жест был простым, обыденным, но для Веры он прогремел, как выстрел. Маяк исчез. Осталось только лицо — гладкое, симметричное, идеальное в своей пустоте. И Вера поняла, что она действительно не узнает эту женщину. Если бы Алиса сейчас встала и вышла в соседнюю комнату, полную гостей, Вера не смогла бы найти её среди других. Это был не просто страх — это была паника в чистом виде, животный ужас перед неизвестностью.

— Вот видите, — тихо сказала Алиса, возвращая прядь на место. Шрам снова стал виден. — Вы в ловушке своих же механизмов. Ваша прозопагнозия — не слабость. Это дар. Вы видите то, чего не видят другие. Но этот дар делает вас уязвимой. Достаточно лишить вас опорных точек — и мир рассыплется в прах.

— Откуда вы знаете? — голос Веры сорвался на шёпот. — Откуда вы знаете про мой диагноз?

— Я много чего знаю, — Алиса закрыла глаза, давая понять, что разговор окончен. — Продолжайте, Вера Петровна. Сделайте меня красивой. Сегодня мой день.

Вера заставила себя дышать. Медленно, глубоко. Паника

отступила на шаг, но осталась стоять за спиной, дыша в затылок. Она снова взялась за кисти. Нужно закончить работу. Нужно уйти отсюда как можно скорее.

Она трудилась над макияжем с удвоенной сосредоточенностью, пытаясь заглушить тревогу рутиной. Тон, контуринг, румяна, тени, подводка, тушь, помада. Каждое движение было выверенным, профессиональным, но мысли неслись скачками. Откуда Алиса знает? Кто она такая? Почему выбрала именно её, Веру, для своей свадьбы? В городе десятки визажистов, многие из которых более знамениты, более титулованы. Зачем ей понадобилась именно она — женщина, которая не видит лиц?

Постепенно под её руками лицо Алисы преображалось. Из нейтральной маски оно превращалось в маску прекрасную. Вера подчеркнула скулы, сделала глаза выразительнее, губы — сочнее. Но даже накрашенное, лицо невесты оставалось каким-то ненастоящим. Как фотография из журнала, обработанная в графическом редакторе до полной стерильности. Красиво? Да. Узнаваемо? Нет.

— Готово, — сказала Вера, отступая. — Можете взглянуть.

Алиса открыла глаза, посмотрела в зеркало. На её губах заиграла довольная улыбка — на этот раз почти настоящая, с долей теплоты.

— Превосходно. Вы превзошли себя. Теперь я действительно неотразима.

Она поднялась, скинула халат и направилась к гардеробной, где висело подвенечное платье. Вера осталась одна в комнате. Она подошла к окну и оперлась о подоконник. Руки дрожали. В голове шумело. Ей срочно требовался воздух. Она вышла в коридор, намереваясь найти выход в парк, но остановилась, услышав голоса.

В холле собирались гости. Мужчины в смокингах, дамы в вечерних туалетах. Они переговаривались, смеялись, звенели бокалами с шампанским. Вера вгляделась в их лица — и сердце ухнуло куда-то в пятки. У большинства гостей черты были стёртыми, нечёткими. Она не могла понять, то ли у них действительно такие гладкие лица, то ли это её восприятие даёт сбой. Но были и исключения. Она заметила пожилого мужчину с крупной родинкой на щеке. Родинка была тёмной, выпуклой, с торчащим волоском. Вера выдохнула: хоть один нормальный человек. Она зафиксировала его в памяти как «Объект с родинкой».

Рядом стояла женщина с заметным шрамом на шее — келоидным, розовым, тянущимся от уха до ключицы. Тоже якорь. Тоже спасение. Вера цеплялась за эти детали, как за поплавки, пытаясь не замечать остальных — тех, кто казался манекенами без лиц.

— Вера Петровна, — раздался голос за спиной. Она обернулась и увидела Алису в подвенечном платье. Белое кружево облегалo её фигуру, фата ниспадала каскадом. Лицо сияло свежим макияжем. Невеста была ослепительна — и абсо-

лютно безлика. — Познакомьтесь, это мой жених.

Рядом с ней стоял мужчина. Высокий, темноволосый, с приятной улыбкой. Вера подняла на него глаза и обмерла. У него не было ни одной особой приметы. Ни родинки, ни шрама, ни асимметрии. Гладкое лицо, которое расплывалось перед глазами, как отражение в мутной воде. Она не могла запомнить его черты. Просто не могла.

— Очень приятно, — произнёс жених, протягивая руку.
— Владислав.

Вера машинально пожала руку. Ладонь была тёплой, сухой, обычной. Но лицо... Она старалась найти хоть что-то: морщинку в уголке глаза, небольшую горбинку на носу, лёгкую асимметрию бровей. Ничего. Абсолютно ничего. Этот человек мог быть кем угодно. Он мог быть актёром, играющим роль жениха. Он мог быть манекеном. Он мог быть плодом её воображения.

— Извините, мне нужно проветриться, — пробормотала Вера и, не дожидаясь ответа, направилась к выходу в парк.

Она шла быстро, почти бежала по гравийной дорожке. Лёгкие горели от холодного воздуха. Позади остались музыка и смех гостей. Она углубилась в парк, пока не оказалась у самой кромки озера. Здесь было тихо. Только ветер шелестел камышами.

Вера присела на скамейку и обхватила голову руками. Что происходит? Почему вокруг так много людей без примет? Это массовое помешательство? Или это она сходит с ума?

Может быть, прозопагнозия прогрессирует, и скоро она вообще перестанет различать человеческие лица, превратившись в полную инвалидку, не способную узнать даже сына? От этой мысли к горлу подступила тошнота.

Она просидела так несколько минут, пока шаги по гравию не заставили её поднять голову. К ней приближался тот самый пожилой мужчина с родинкой на щеке. Родинка тёмная, выпуклая, с волоском. Вера сфокусировалась на ней, как на спасательном круге.

— С вами всё в порядке? — спросил мужчина. Голос у него был скрипучий, старческий, но живой. — Вы очень бледны.

— Да, просто голова закружилась. Свежий воздух помогает.

— Понимаю, — он присел рядом, кряхтя. — Свадьбы — дело нервное. Я дядя невесты, приехал издалека. А вы, стало быть, визажист?

— Да, — кивнула Вера, не сводя глаз с родинки. Она боролась с желанием дотронуться до неё пальцем, чтобы убедиться в её реальности.

— Красивая она у нас, Алиса. Вся в мать. Та тоже была красавицей, пока не ушла.

— Ушла?

— Умерла, — просто сказал дядя. — Десять лет назад. Рак. Алиса тяжело переживала. Но сейчас, видите, нашла своё счастье.

Он замолчал, глядя на озеро. Вера сидела рядом и пыталась осмыслить услышанное. Алиса потеряла мать. Возможно, это как-то связано с её странностью? Но нет, сотни людей теряют родителей и не становятся от этого безликими.

— А вы давно работаете визажистом? — поинтересовался дядя.

— Двадцать лет.

— Ого. И как вам наша невеста? С точки зрения профессионала?

Вера замялась. Она не могла сказать правду — что невеста кажется ей пустой оболочкой. Поэтому она выбрала нейтральный ответ:

— У неё очень хорошая кожа. Работать с ней одно удовольствие.

Дядя кивнул, удовлетворившись ответом. Они ещё немного посидели молча, потом он поднялся и, опираясь на трость, побрёл обратно к дому. Вера проводила его взглядом. Родинка на щеке удалялась, уменьшалась, но всё ещё была видна — живая, настоящая, успокаивающая.

Однако, оставшись одна, она вдруг подумала: а что, если и эта родинка — фальшивка? Что, если весь этот праздник — декорация, а гости — статисты, нанятые, чтобы свести её с ума? Эта мысль была параноидальной, но в нынешнем состоянии Вера готова была поверить во что угодно.

Она заставила себя вернуться в дом. Церемония должна была начаться с минуты на минуту. Ей не обязательно при-

сутствовать, но уехать без машины она не могла — такси сюда не вызовешь, а идти пешком до трассы час, если не больше. Придётся дожидаться водителя, который отвёз бы её обратно.

В холле уже собирались гости, выстраиваясь в проходе. Вера скромно встала в дальнем углу, надеясь остаться незамеченной. Она смотрела, как Алиса идёт к алтарю под руку с дядей. Фата скрывала её лицо, и Вера испытывала смешанное чувство облегчения и тревоги. Без лица невеста была всего лишь фигурой в белом платье — никакой угрозы, никакой загадки.

Церемония прошла как в тумане. Вера почти не слушала слов регистратора, не следила за кольцами. Она изучала гостей. Её мозг работал в режиме сканера, выискивая дефекты. Родинка у дяди. Шрам у женщины на шее. У молодого человека, шафера, — лёгкая асимметрия ушей (левое оттопырено чуть больше правого). Вера записывала всё это в мысленный каталог, создавая новую страницу в своей внутренней картотеке. Это помогало держаться.

Но были и те, у кого она не находила ничего. Они стояли в толпе, улыбались, хлопали — и их лица оставались для неё белыми пятнами. Она старалась на них не смотреть. Если не смотреть, то можно сделать вид, что всё в порядке.

Когда молодожёны поцеловались и гости взорвались аплодисментами, Вера потихоньку выскользнула в комнату для подготовки. Там было пусто и тихо. Она села в кресло, где

час назад сидела Алиса, и уставилась в зеркало. Её собственное отражение глядело на неё с испугом. Она видела свою родинку над губой, шрам на подбородке, папиллому у носа. Всё было на месте. Но что-то изменилось. Ей показалось, что черты её лица стали чуть менее чёткими, чем раньше. Границы губ расплывались, брови казались нарисованными. Она потёрла глаза. Морок не исчез.

— С вами всё хорошо? — в дверях стояла Алиса. Она уже сняла фату, но была всё в том же платье. Лицо её покраснело от волнения, и на мгновение Вере показалось, что на щеках проступил румянец. Но нет, это был всего лишь макияж.

— Да, просто устала, — Вера поднялась. — Поздравляю вас. Теперь я, наверное, поеду.

— Конечно. Машина ждёт вас у входа. Но прежде, чем вы уйдёте, я хочу сделать вам подарок, — Алиса протянула ей небольшой бархатный футляр.

Вера открыла его. Внутри лежало серебряное зеркальце — старинное, с гравировкой в виде виноградной лозы. Стекло было мутноватым, но в нём отражалось её лицо. Она захлопнула футляр.

— Зачем это?

— На память, — улыбнулась Алиса. — Чтобы вы всегда могли увидеть себя. Ведь вы, кажется, боитесь зеркал. А зря. Иногда стоит заглянуть в бездну, чтобы понять, кто ты есть на самом деле.

Вера хотела отказаться, но слова застряли в горле. Она сунула футляр в карман и быстрым шагом направилась к выходу. Водитель ждал её у машины. Она села в салон и захлопнула дверцу, чувствуя, как паника снова подступает к горлу.

Машина тронулась. Усадьба уплывала назад. Вера откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Ей хотелось забыть этот день, как страшный сон. Но в кармане лежало зеркальце — тяжёлое, холодное, словно кусок льда. И она знала, что, вернувшись домой, первым делом достанет его и посмотрит в отражение. Потому что Алиса права: она боится. Боится не увидеть в зеркале ничего.

Дорога домой заняла чуть больше часа. Всю дорогу Вера молчала, а водитель не заговаривал. Он сливался с кожаным салоном, становясь просто частью механизма. Когда машина остановилась у её подъезда, Вера почти выпрыгнула наружу, не прощаясь. Дверь за ней захлопнулась, и седан бесшумно уехал, растворившись в сумерках.

Она поднялась в квартиру, прислонилась спиной к входной двери и медленно сползла по ней на пол. Тишина. Мирон ещё не вернулся — у него дополнительные занятия по математике. Вера сидела в тёмном коридоре и слушала, как колотится сердце.

Потом она встала, включила свет и подошла к занавешенному трюмо. Сдёрнула простыню. Зеркало блеснуло в полумраке. Она долго смотрела в него, боясь пошевелиться. Её лицо было на месте. Родинка, шрам, папиллома. Но ей каза-

лось, что они стали бледнее. Словно невидимый ластик понемногу стирал их с кожи.

Она вытащила из кармана футляр, открыла его. Серебряное зеркальце отразило её лицо — маленькое, искажённое старым стеклом. Она поднесла его ближе, вглядываясь в свои черты. Отражение подмигнуло ей.

Нет.

Этого не могло быть. Она не подмигивала.

Вера отбросила зеркальце на диван, словно оно обожгло ей пальцы. Сердце колотилось где-то в горле. Она попятилась, не сводя глаз с дивана, где лежал серебряный прямоугольник. Ей хотелось схватить его и выбросить в мусоропровод, разбить молотком, расплавить. Но вместо этого она подошла, осторожно взяла футляр, закрыла его и спрятала в ящик стола.

Завтра она поедет к врачу. Или к психиатру. Или в полицию. Она придумает, что делать. Главное — не смотреть в это зеркало.

Ночью ей снова приснился сон. Она стояла на берегу озера, и вода была чёрной, как нефть. Из воды поднимались фигуры — десятки, сотни. У них не было лиц. Они тянули к ней руки и шептали: «Ты нас не видишь... Ты никогда нас не видела...» Она бежала вдоль берега, пока не упала без сил. И тогда из воды вышла Алиса. Её лицо было единственным, которое Вера могла разглядеть — но на нём не было ни одной черты. Гладкая кожа, натянутая на череп.

— Ты хотела увидеть, — произнесла она. — Смотри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.